

М. В. АВДЕЕВ

Иванов

(Посвящается друзьям К*)

Источник: "Книгописная палата", Москва 2001

Оригинал здесь: <http://cfrl.ru/avdeev.htm>

I

Молодость, молодость! Куда ты спешишь? Куда ты бежишь, не озираясь по сторонам, торопясь прожить от сегодня до завтра! Смотри, близко, ближе, нежели ты думаешь, на повороте дороги ждет тебя зрелость со своим спокойным лицом и строго спрашивает она тебя, что вынесла ты с собою из своего торопливого бега, под какой ношей потратила ты свои свежие силы, какой тяжелый запас ты так трудно и так спешно несла. Что ответишь ты ей?

Года прошли над Тамариным, с тех пор как мы оставили его удалившимся в деревню для поправления сил и немного расчувствовавшимся под влиянием свежей любви и чистого воздуха. И в эти года были у него любопытные встречи. Много лиц и мест прошло перед ним, и между всех лиц и во всех местах он пристально наблюдал и болезненно всматривался в самого себя. По-прежнему он жадно искал чувств и, найдя их, как натуралист, рассекающий редкий цветок, анализировал всякое внутреннее движение... нужды нет, что этим убивал его. Но мы пройдем мимо этих новых лет, повторяющих прежние, мимо этих новых лиц, напоминающих старые. Не один Тамарин имеет право на наше внимание: и другие образы, вместе с ним вызванные воображением, еще не досказали нам своего последнего слова.

Вставайте же, старые, знакомые тени! Мы опять в городе Н***, в том же деревянном доме над Волгой, на пустынной набережной. Был час седьмой вечера. Первый снег большими хлопьями ложился на избитую мостовую, придавая сумеркам новый оттенок света. Под горой еще незамерзшая река тяжело двигалась своей сизо-мутной, как будто иззябшей от стужи, водой. На дворе знакомого нам дома стоял дорожный экипаж. Четверня потных и худых лошадей отдыхала, понутив головы, привязанная у дышла. В передней на полу лежало не сколько дорожных ящиков; камердинер, опоясанный широким английским ремнем, и мальчик возились около них; в углу, в изорванном полушубке, в мокром сером кафтане, с кнутом и рукавицами за поясом, стоял ящик, в ожидании на водку, и для препровождения времени вытаскивал комки грязи из бороды. В нежилом доме было холодно и сыро. Первые комнаты, темные и пустые, производили какое-то тяжелое впечатление; но в угольной светился огонь. В ней, у разгорающегося камина, сидел Тамарин, в дорожном платье и теплом пальто, которое не успел еще скинуть. Он был таков же, каким мы знали его, и, по-видимому, годы мало следов оставили на нем; но – и может быть, это было влияние дороги, которую он только что сделал, – в темных глазах его было меньше блеска и больше этого матового холодного выражения – следствие физической или нравственной усталости; только его ленивые, небрежные движения как будто потеряли часть юношеской гибкости и стали немного резче и прямее, да отвесная морщина – признак какой-то постоянной мысли – глубже обозначалась на гладком лбу, и две легкие черты по углам рта при давали более насмешливое выражение его улыбке. А впрочем, то же спокойное, бледное, с тонкими очертаниями лицо, которое одинаково глядит на радость и горе, та же простая и безыскусственная красивость манер, которые до того прививаются иногда к человеку, что делаются его натурой. Сухие березовые дрова трещали и ярко разгорались в камине. Протянув к нему ноги из низкого и широкого кресла, Тамарин, закулив обычную папиросу, в ожидании чая, лениво грелся, пристально глядя на огонь. Вокруг, на столе, этажерках и окнах, лежали его книги и вещи в том нетронutom порядке, как некогда были им оставлены. Годы прошли над ними только слоем пыли, и все в них дышало еще вчерашней жизнью, хотя этому вчера минуло несколько лет. В этой среде прошлого прошлые впечатления невольно налетают на душу; и немудрено нам отгадать, отчего Тамарин так пристально смотрел на переливающийся по стоячим поленьям огонь: это была для него та минута забытья, в которую человек перестает жить настоящей жизнью, воображение вдруг отодвигает ее назад и, вычеркнув из памяти целый ряд долгих и трудных лет, вместо них вызывает из прошлого несколько давно пережитых дней и ясно и резко ставит их перед внутренними очами. С ним совершалось одно из необъяснимых чудес человеческой природы, на которые мы не обращаем внимания, потому что они случаются каждый день... и, как будто для поддержания обмана, вдруг ему